

Семинар

«Функционирование русского языка в юридической сфере и вопросы лингвистической экспертизы»

Коммуникативная семантика звучащего художественного текста

М. Г. Безяева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Коммуникативный уровень, конструкция, инвариант, алгоритм реализации коммуникативных параметров

В докладе ставятся вопросы функционирования коммуникативного уровня языка, системы, отражающей соотношение позиции говорящего, слушающего и квалифицируемой и оцениваемой ими ситуации (в отличие от номинативного уровня, передающего отражение информации о действительности, преломленной в языковом сознании говорящего). Особенностью коммуникативного уровня является неосознаваемость его семантики естественными носителями языка (до недавнего времени и лингвистами), которой они, тем не менее, пользуются как семантическим кодом при продуцировании и восприятии.

Организуемыми единицами этого уровня является система целеустановок, вариативные ряды конструкций, им соответствующие, сформированные коммуникативными средствами. При этом выделяются две группы средств (собственно коммуникативные — интонация, порядок слов, частицы, междометия, ряд синтаксических приемов, сегментные средства, не занятые на фонологическом уровне), и средства, которые могут выполнять как номинативную, так и коммуникативную функции (все грамматические категории, базовые члены ЛСГ и т. д.). Каждое средство коммуникативного уровня обладает коммуникативными параметрами, подчиняющимися алгоритму их развертывания.

Определения базовых понятий.

1. Целеустановка представляет собой языковой тип воздействия говорящего на слушающего, говорящего на говорящего, говорящего на ситуацию либо отражение языкового типа воздействия ситуации, слушающего или самого говорящего на говорящего (вопрос, требование, просьба, совет, предложение, угроза, предостережение, возражение, подтверждение, удивление, возмущение, восхищение, упрек, похвала, сочувствие, досада, удовлетворение, презрение, облегчение и т. д.).

Первый уровень варьирования соотношения позиций говорящего, слушающего и осознаваемой и оцениваемой ими ситуации.

2. Коммуникативная конструкция обладает особенностями коммуникативной семантики (более дифференцированное отражение соотношения позиций Г, Сл. С. по сравнению с общим значением целеустановки); определенным соотношением средств коммуникативного уровня; спецификой сфер и регистров общения. Вариативный ряд конструкций рассматривается как семантическая система, в которой параметры каждой из единиц определяется сопоставлением со всеми ее членами.

3. Семантические инварианты коммуникативных средств. Каждое из коммуникативных средств (от вида до междометия и интонации) обладает набором коммуникативных параметров, которые подчиняются алгоритму развертывания.

4. Алгоритм развертывания инвариантных коммуникативных параметров средств заключается в том, что при реализации в конструкции набора коммуникативных семантических инвариантных параметров какого-либо средства а) ряд из них может иметь антонимическое развертывание, в то время как б) сами параметры и их реализации способны относиться только к позиции говорящего, только к позиции слушающего или ситуации, быть распределенными между позициями говорящего, слушающего, либо ситуацией (при этом может маркироваться совпадение — несовпадение позиций собеседников и оценка этих позиций). Кроме того, параметры способны варьироваться по отнесенности к тем или иным временным планам и по аспекту реальности / ирреальности. При этом возможно одновременное сосуществование нескольких реализаций инвариантных параметров в одной конструкции.

Коммуникативный уровень функционирует как монологической, так и в диалогической, как в письменной, так и в устной форме, однако естественной средой его обитания является звучащий диалог. Анализ функциональных возможностей единиц этой системы (целеустановки, конструкции, инварианты средств и их реализации) позволяет выделить ряд аспектов. Остановимся на возможностях этой системы при ее функционировании в художественных звучащих текстах, т. е. на способности ее единиц выполнять эстетическую функцию.

Анализ художественных звучащих текстов связан с определением роли коммуникативной семантики в формировании ткани художественного произведения, что позволяет ввести новые аспекты в проблематику изучения эстетики знака, отличные от эффектов использования единиц номинативного уровня (образ, ансамбль, типы коммуникативной композиции и т. д.).

Коммуникативная семантика позволяет увидеть способность коммуникативных средств «литературоведчески» точно акцентировать или вводить главные темы произведения, объяснить коммуникативные способы формирования главной черты характера героя или динамику изменения личности, показать модификацию отношений к собеседникам.

Особое место занимает проблема коммуникативной интерпретации при наличии русской, иноязычной, прецедентной интерпретационной основы и показ законов ее реализации на материале сопоставления театральных спектаклей, фильмов, звучащих переводов. Суть ее заключается в том, что если на номинативном уровне текст, интерпретирующий инвариант (пьесу, сценарий, оригинал фильма на иностранном языке) стремится к максимальной идентичности, то на коммуникативном уровне интерпретатор следует иной логике речевого поведения. В силу неосознаваемости смыслов и вариативности ряда единиц он реагирует на тот из заданных коммуникативных параметров, который является с основным в сложившихся на данный момент отношениях между говорящим, слушающим и ситуацией. При этом в дальнейшем, ориентируясь на этот параметр, он может варьировать целеустановки, конструкции и средства по следующему типу: модифицировать параметр по степени реализации вплоть до антонимии либо осложнять этот параметр иными коммуникативными семантиками, отличными от инварианта. При наличии в оригинале иных дополнительных коммуникативных характеристик, они могут видоизменяться или исключаться, что резко расширяет диапазон возможных изменений и принципиально отличает коммуникативную интерпретацию от номинативной.

Анализ коммуникативной семантики позволяет ввести и новый аспект изучения коммуникативных приемов формирования трагического и комического с учетом ранее не анализировавшегося семантического пласта. Становится ясна роль коммуникативных средств при отражении национальных коммуникативных авто- и гетеростереотипов, выявляются особенности использования коммуникативной системы в речи разных поколений, в разных жанрах звучащих речи.

Важной проблемой функционирования коммуникативного уровня является анализ его использования языковой личностью, в нашем случае элитарной личностью актера, выявление его коммуникативной стратегии и тактик с учетом семантических параметров единиц и их реализаций, раскрывающих его эстетическую тему.

Таким образом, система коммуникативного уровня является неотъемлемой частью общего филологического знания.

Литература

1. Безяева М. Г. Семантика коммуникативного уровня языка М, 2002.

Проблемы определения побудительной функции высказываний в текстах судебной лингвистической экспертизы*

А. Е. Волкова

Волгоградский государственный университет
nastenka_volkova@mail.ru

Побуждение, коммуникация, регулятивная функция языка, высказывания, лингвистическая экспертиза

Summary. The paper deals with the function of inducement of an utterance as an object of forensic linguistic expertise. The criteria of determining the function of inducement are set up through finding out grammar forms, semantic complexes and contextual analysis.

В связи с увеличением количества социальных заказов на производство судебных лингвистических экспертиз возникла объективная необходимость в возведении данной экспертизы на уровень технологического процесса, «осуществляемого по единым, научно-обоснованным методикам и воспроизводимым лингвистическим технологиям» [1].

В последнее время перед экспертом-лингвистом все чаще ставятся вопросы, связанные с выявлением побудительных функций высказываний, содержащихся в текстах, предоставляемых на судебную экспертизу.

Несмотря на то, что вопрос о побудительности рассматривается учеными в лингвистической науке уже давно, до сих пор не определен алгоритм, не выявлены четкие критерии идентификации побудительных высказываний в тексте.

Данное исследование посвящено выявлению критериев, позволяющих отнести высказывание к побудительным, предлагается рассматривать побудительность с точки зрения регулятивной функции языка. Материалом для исследования послужили примеры, полученные методом сплошной выборки из текстов, предоставляемых на лингвистическую экспертизу. Корпус проанализированных текстов составил 254 единицы.

В ходе анализа материала нами были выявлены следующие критерии, необходимые для идентификации побудительных высказываний:

Определение языковых средств, способных выполнять регулятивную функцию. Регулятивная функция языка актуализируется в высказывании в тех случаях, когда говорящий ставит своей целью непосредственно воздействовать на адресата, то есть заставить адресата совершить что-то / не совершить что-то, что адресанту представляется желательным / нежелательным, а иногда и необходимым. Данная функция может быть представлена в языке многообразными лексическими средствами, морфологическими формами, порядком слов и так далее. Определение языковых единиц на предмет выполнения ими регулятивной функции возможно путем контекстуального анализа.

Рассмотрение общего смысла высказывания. В тексте может не содержаться грамматических форм, прямо или косвенно выражающих побудительную семантику. При этом, высказывания, содержащиеся в тексте, будут выполнять побудительную функцию. Следует отметить, что данное положение учитывают не все исследователи, изучающие семантику и функцию побуждения. Лингвисты, а так же эксперты-практики, не должны исключать данный критерий из ал-

горитма анализа текста на предмет содержания в нем побудительной семантики, так как только учитывая общую семантику высказывания, возможно определить скрытые побудительные намерения автора.

Выявление специальных грамматических форм, выражающих семантику побуждения. Известно, что основным средством выражения побудительной семантики в языке является императив, но полагаться в определении побудительных интенций автора только на наличие / отсутствие императива в тексте нельзя.

Выявление в тексте грамматических форм, способных косвенным образом выражать побудительную семантику. Главным результатом работы эксперта является выявления и разворачивание в первую очередь скрытых и неявных смыслов, которые имеются в тексте. В связи с этим особое внимание стоит обратить на наличие в тексте косвенных средств выражения побудительных интенций автора. Таких, например, как форма настоящего неопределенного времени изъявительного наклонения, форма будущего неопределенного времени изъявительного наклонения, форма сослагательного наклонения и т. д.

Наличие адресата и адресанта сообщения. Анализ материала показал, что адресат может быть назван в тексте прямо, быть безличным или скрытым (но выводимым из контекста).

Определение непосредственного ситуативного контекста высказывания. Как правило, к тексту, предоставляемому на судебную экспертизу, прилагаются материалы дела, дающие представление о ситуативном контексте высказывания.

Выявление социальной и языковой среды, к которой принадлежат коммуниканты. Выявление данного критерия необходимо для адекватной трактовки семантики высказывания.

Перечисленные критерии могут варьироваться и дополняться, что, как нам видится, представляет перспективу рассмотрения данной темы.

Таким образом, выявление в тексте высказываний, выполняющих побудительную функцию, представляет собой сложный процесс, включающий в себя не только определенные формальных признаков, но и выявление общей семантики текста и контекста ситуации в целом.

Литература

1. *Галышина Е. И.* Понятие судебной лингвистической экспертизы // <http://www.rusexpert.ru/index.php?idp=content&id=202>.

Современное состояние лингвистической экспертизы в России: прикладные и методические аспекты

Е. И. Галышина

Московская государственная юридическая академия имени О. Е. Кутафина
galyashina@rambler.ru, galyashina@mtu-net.ru

Лингвистическая экспертиза, продукты речевой деятельности, унификация

Summary. The paper deals with some central concerns of forensic linguistic text expertise. A rapid growth in the frequency with which courts in Russia have called on the expertise of linguists demanded the development of forensic speech science methodology but caused some problems in its courtroom application. The concerns of linguistic evidence, expert competence, unification of expert's linguistic methods and methodical approaches, integration of law and linguistic knowledge are revealed.

1. Российская практика производства лингвистических экспертиз постоянно расширяется и обогащается новыми, интересными примерами вовлечения лингвистов в правовую сферу. Объектами экспертно-лингвистического иссле-

дования могут стать любые продукты речевой деятельности, зафиксированные на материальном носителе, требующие специального экспертно-лингвистического исследования для установления фактов и обстоятельств, имеющих зна-

* Исследование проводилось при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009–2013» (Госконтракт № 02.740.11.0367).

чение доказательств. Это — язык вражды, т. е. вербальные средства совершения правонарушения (клеветы, оскорбления, словесного хулиганства или экстремизма, диффамации, шантажа, угрозы, вымогательства, незаконной рекламы и пропаганды, и т. п.); продукты интеллектуальной деятельности, ставшие объектами противоправного посягательства или предметами документального или информационного спора (товарные знаки, фирменные наименования, доменные имена, формулы изобретения, рекламные тексты; спорные тексты СМИ, переводы, договора, коллизионные нормативные правовые акты, их проекты и т. д.). Лингвистические экспертизы востребованы и для решения герменевтических (текстологических вопросов) в документальных и информационных спорах, требующих грамматического, семантического, а иногда и фоносемантического, толкования текста или его элемента, вплоть до языкового знака.

Потребность в лингвистических знаниях в юридической сфере сегодня столь велика, что в сферу экспертно-лингвистической деятельности вовлекаются все более широкие юридические и экспертные структуры. Услуги по производству лингвистических экспертиз предлагаются многими индивидуальными предпринимателями или организациями различных организационно-правовых форм и ведомственной принадлежности. Экспертная деятельность не подлежит лицензированию и обязательной сертификации, а потому в качестве эксперта-лингвиста формально может быть привлечено любое лицо, имеющее соответствующее образование. Однако, как показывают примеры из экспертной и судебной практики, качество многих экспертно-лингвистических исследований далеко от совершенства. Оно далеко не всегда удовлетворяет суд как основного потребителя экспертных услуг, вызывает немало нареканий со стороны специалистов-лингвистов, критически оценивающих экспертные заключения как поверхностные и неаргументированные, а выводы голословные или надуманные.

2. Причины, вызывающие многочисленные экспертные ошибки и сдерживающие развитие лингвистической экспертизы в России, видятся в следующем:

- отсутствие единого перечня экспертных специализаций по видам лингвистической экспертизы, определяемых в соответствии с направлениями подготовки экспертов-лингвистов и номенклатурой специальностей научных работников затрудняет определение пределов компетенции конкретного эксперта;
- отсутствие единых и общепринятых критериев определения пределов компетенции эксперта-лингвиста, провоцирующее вторжение лингвистов в сферу смежных областей наук (психологии, философии, социологии и т. п.), а также в область права (решая вопросы, относящиеся к компетенции субъекта доказывания, а не эксперта-лингвиста);
- привлечение к производству лингвистической экспертизы субъекта, хотя и имеющего высшее образование надлежащего профиля, но не владеющего типовыми экспертными методиками, практическими навыками и умениями, опытом решения задач данного типа (например, экспертиза товарного знака или доменного имени поручается лингвисту-фольклористу или литературоведу);
- отсутствие единых и общепринятых методических рекомендаций и справочных пособий, по формулировке вопросов и типологии задач, которые относятся к компетенции лингвистической экспертизы данного вида (например, в отношении лингвистических признаков неприличной формы высказывания при оскорблении, словесного экстремизма, угроз, шантажа, вымогательства, пропаганды наркотиков и психотропных веществ и т. д.); формулировки вопросов, в имеющейся литературе и крите-

рии компетенции экспертов-лингвистов разрознены, не отличаются последовательностью и цельностью изложения, внутренне противоречивы (например, в одних работах вопрос об оскорбительности инвективы для реципиента авторы относят к компетенции экспертов-лингвистов, в других категорически из нее исключают, при этом инвектива и речевая агрессия не сопрягаются с понятием неприличной формы высказывания);

- отсутствие устоявшегося классификационного деления рода судебной лингвистической экспертизы по видам и подвидам в структуре общей классификации судебных экспертиз (одни авторы относят автороведческую экспертизу к классу криминалистических экспертиз, а лингвистическую к классу речеведческих экспертиз, другие предлагают выделить автороведческую, семантическую и нейминговую экспертизу как виды лингвистической экспертизы, третьи объединяют лингвистическую, автороведческую экспертизу в класс речеведческих экспертиз, четвертые предлагают производить деление лингвистической экспертизы по объектам на экспертизу текстов СМИ, рекламы, товарных знаков, коммерческих наименований, устной речи и т. д.);
- неразработанность единого и общепринятого терминологического аппарата лингвистической экспертизы, отсутствует единый и общепринятый словарь терминов и понятий лингвистической экспертизы (например, понятия «инвектива», «оскорбительная лексика», трактуются в заключениях экспертов неоднозначно); в заключениях лингвистической экспертизы эксперты приводят перечень используемых в данном исследовании терминов и понятий с указанием их дефиниций;
- отсутствие единых, общедоступных и общепринятых экспертных методик решения типовых экспертных задач лингвистической экспертизы, дискуссионный характер методических подходов к их решению.

3. Пути совершенствования научно-методической основы и повышения эффективности предметно-практической деятельности по производству лингвистических экспертиз:

- сбор, обобщение и централизация научно-методической и информационно-справочной базы лингвистической экспертизы с размещением информации в общем доступе на информационно-консультационных интернет-порталах;
- развитие методологии судебно-экспертной деятельности по экспертно-лингвистическому исследованию продуктов речевой деятельности, вовлеченных в сферу судопроизводства;
- обогащение и совершенствование частной теории судебной лингвистической экспертизы как синтетической науки;
- интеграция лингвистических, юридических и экспертных знаний с опорой на общую теорию судебной экспертизы как синтетическую науку, аккумуляция специальных знаний, определяющих компетенцию субъекта судебной лингвистической экспертизы посредством интеграции знаний разных областей базовых наук (общей теории судебной экспертизы, теории речевых актов, прикладного и судебного речеведения, лингвистики, криминалистики и т. д.);
- оптимизация и унификация понятийного аппарата лингвистической экспертизы;
- создание толкового словаря терминов и понятий, используемых при производстве лингвистической экспертизы;
- разработка новых и оптимизация уже имеющихся методик назначения и производства лингвистической экспертизы каждого вида;
- разработка новых, оптимизация и унификация имеющихся учебных программ подготовки специалистов в области судебной лингвистической экспертизы.

Типы редукции русских гласных как одна из методик идентификации личности террориста

Л. В. Златоуста

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Summary. «Narrow» vowels devocalisation in the first pretonic syllable is considered in the abstract ([i], [e] and also [a] after the soft [ч']), the vowel being included into the realization of the consonants of the left and right environment.

В настоящем сообщении рассматривается преимущественно проблема качественной редукции гласного первого

предударного слога. Это явление частотно для московской литературной речи и свойственно всем функциональным

стилям. Речь идет о качественной редукции этимологических [и], [е] в первом предупредном слоге, а также [а] после глухих фрикативных щелевых и [ч'] при условии, что для Москвы, Санкт-Петербурга и ряда других регионов свойственна «икающая» литературная норма.

Качественная редукция указанных аллофонов достаточно частна, однако встречаемость ее зависит от ряда условий, а именно: от качества правого и левого окружения количества слогов в фонетическом слове, места слога в слове, места слова в синтагме, темпа речи, целевой установки реализации текста.

Чаще качественная редукция узких гласных наблюдается в трехсложных и многосложных словах, не в первом слоге слова, хотя и эта позиция зафиксирована в наших материалах, полученных преимущественно путем выборки из квазиспонтанных деловых, научных, нейтральных текстов, как монологических, так и диалогических.

Исследование проводилось первоначально методом перцептивного анализа, затем акустического, выполненного в среде Windows с программным обеспечением Speech Analyzer. Рассматривались широкополосные динамические спектрограммы спектральные срезы и формантный состав редуцированных гласных.

Перцептивный эксперимент осуществлялся подготовленными аудиторами — аспирантами, преподавателями-фонетистами. Объем материала — 200 синтагм, записанных от пяти дикторов. Инструкция для аудиторов включала только одно задание — записать в подробной транскрипции прослушанные тексты.

На основании перцептивного анализа был выделен массив редуцированных гласных первого предупредного слога, а также и других неударных слогов, находящихся в слабой позиции слова.

Акустический эксперимент позволил уточнить типологию узких неударных гласных. Обнаружено значительное количество случаев редукции узких неударных гласных, «встроенных» в щелевые глухие согласные или аффрикату [ч'] в стечениях глухих фрикативных или [ч'] в любой последовательности указанных согласных. Например: [с'б'с'т'имат'йч'б'ск'и], [с'б'с'т'эмы], [ч'б'с'т'йч'нь], [фч'б'сл'йт'ьл'ь] и др. Таким образом, редуцированный [э] на месте этимологических [и],

[е], [а] после глухих фрикативных щелевых и [ч'] «встроен» в согласные, т. е. он не имеет собственного времени, а реализуется одновременно с шумовой компонентой согласных. Любопытно отметить, что качество согласных неоднородно, поэтому в транскрипции дается два звука. Следует отметить также, что одни и те же слова могут произноситься с редуцированным звонким, но также встроенным, причем эти реализации не зависят от темпа высказывания и от позиции слова в высказывании. В приведенных примерах среднечувствительное время представлено среднестатистическими значениями — от 60 до 80 мс, в зависимости от фразовой позиции синтагмы и выраженных фразовых акцентов. Время встроенных редуцированных зависит как от фразовой акцентуации, так и от позиции слога со встроенным редуцированным гласным, как глухим, так и звонким. Как правило, глухой длительнее звонкого.

Рассматриваемая особенность редукции узких гласных типична для московской речи и произношения на территории среднерусских говоров с редукцией.

Запись речи петербуржцев в аналогичных условиях существенно отличается от московской, т. к. ритмическая модель фонетического слова у петербуржцев иная: первый и второй предупредный гласные отличаются в значительной степени от московской орфоэпической нормы в силу определенного влияния говоров без редукции, хотя произносительная модель петербуржцев — «икающая», т. е. обладает основными особенностями литературной речи.

Лингвокриминалистическая сущность рассматриваемого наблюдения весьма существенна: она позволяет определить по коротким временным речевым фрагментам два типа широкой литературной нормы, а в случаях идентификации реплик говорящих в рамках той или иной произносительной литературной модели определить принадлежность реплик конкретному говорящему, при сходстве тембральных характеристик голосов принять решение о принадлежности реплик конкретному говорящему и, наконец, при отсутствии образца речи фигуранта определить по совокупности акустических параметров личность говорящего, причем не только его речевые данные, но и некоторые другие (например, возрастные, степень упитанности и др. — разумеется, в определенном диапазоне).

Имплицитная реализация побуждения в эмотивных побудительных высказываниях

Ю. В. Кадыркова

ГОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева» (Саранск)

juli4kakad@rambler.ru

Эмотивность, речевая стратегия, косвенное побуждение, импликатура

Summary. The paper covers implicit modes of expression of imperative intention through the explication of emotional content of an utterance by verbalizing a speaker's emotional state and emotional relation (evaluation).

Коммуникативно-прагматический аспект исследования акцентирует внимание на роли эмоций в организации целенаправленного поведения адресанта: предвидеть эмоциональную реакцию адресата, адекватно распознавать эмоциональную составляющую общения, манипулировать эмоциями партнера по коммуникации с целью решения перлокутивных задач. Соответственно эмоциональность носит осмысленный характер, поэтому представляет интерес изучение коммуникативных смыслов, передаваемых эмотивными (эмотивность как лингвистическая категория является имманентным свойством языка выражать психологические (эмоциональные) состояния и переживания человека через особые единицы языка и речи — эмотивы [2]) компонентами в различных ситуациях общения, в частности в ситуации побуждения.

Специфика побуждения обусловлена особенностями воздействия (совокупность средств, способов, приемов для создания прагматического эффекта высказывания, обязывающая адресата не только интерпретировать коммуникативную цель, но и отреагировать на нее в соответствии с замыслом адресанта), поэтому взаимоотношения коммуникантов характеризуются направленностью на регулирование поведения адресата в рамках основной цели адресанта для достижения перлокутивного эффекта.

Одной из функциональных особенностей эмотивного компонента в структуре побуждения является осуществле-

ние скрытого волеизъявления. В этом случае эмоциональное значение демонстрирует разновидность не прямой коммуникации и реализует механизм *косвенного побуждения*. Прагматический механизм замены одного иллокутивного акта на другой обусловлен коммуникативной целью и воплощается в речевой стратегии ее вербализации. Рассмотрим наиболее типичные способы имплицитного выражения побуждения через экспликацию эмоционального содержания высказывания.

1. Стратегия выражения эмоционального состояния характеризуется стремлением говорящего к самовыражению и воплощается в следующих типах эмоциональной информации.

а) Экспликация желаний, потребностей:

— *Я хочу знать правду!* (Устинова).

— *Я не хочу к бабушке! Ты тут одна не справишься!* (Устинова).

Адресант, эксплицируя свои эмоциональные переживания, имплицитно передает директивные интенции (*скажи правду, не отводи меня к бабушке*). Подобные высказывания можно отнести к «полукокусным», так как в них в достаточной мере «читается» стремление к волеизъявлению. Явное выражение желания, субъективных потребностей адресанта при отсутствии прямого указания на действия адресат воспринимает как «...потенциально компрессированную

цепочку речевых актов, выражающих побуждение, причем конвенционального характера» [1: 166].

б) Экспликация психо-физиологического самочувствия:

— *Я устала и плохо себя чувствую, извини...* (Устинова).

— *Я больше не могу идти — спина болит и ноги ноют...* (Устинова).

Адресант сообщает адресату о своем состоянии. Потенциально заложенная импликатура (*уйди, давай отдохнем*) восстанавливается адресатом путем коммуникативно-логического вывода о невозможности продолжать действие из-за плохого самочувствия.

2. Стратегия выражения эмоционального отношения (оценки) характеризуется потребностью говорящего квалифицировать действительность (компоненты ситуации общения) согласно субъективным представлениям.

а) Оценка существующего положения дел:

— *Алин, я сто лет нигде не была! А тут вполне законный повод. Встреча выпускников. И у меня только один выходящий костюм. Я его в девяносто шестом году купила на рынке в ЦСКА* (Устинова).

Эксплицируя свое видение ситуации, адресант намекает на то, что рассчитывает на понимание адресата и его поддержку в решении проблем. Оценочные аргументы выполняют роль эмоционального воздействия и стимулируют ответную реакцию адресата. Мотивом использования намека является стремление адресанта сохранить свою репутацию в случае, если адресат откажется выполнять какое-либо действие, то есть адресант предоставляет возможность адресату выбрать приемлемый для себя вариант развития событий (*одолжить наряд, подарить* и т. д.).

б) Оценка линии поведения адресата:

— *Ребенок должен ходить в школу! Ты неправильно его воспитываешь! У него должны быть ответственность и чувство долга!* (Устинова).

— *Ты ничего не понимаешь! Покрывать преступницу значит поставить крест на собственной жизни! Навсегда! Ты к этому готов?* (Устинова).

Адресант апеллирует к своему авторитету, опыту, поэтому, оценивая действия адресата как не соответствующие нор-

ме, идеалу, осуществляет воздействие на адресата с целью побудить его к изменению существующего положения дел.

в) Оценка и актуализация адресантом своего ролевого статуса:

— *Ты мой зам по науке, и я имею полное право распоряжаться!* (Устинова).

— *Я много лет служу закону, и вся моя карьера держится только на репутации профессионального и неподкупного юриста!* (Устинова).

Воздействие адресанта основывается на актуализации своего ролевого статуса с указанием на статус адресата, поэтому последний должен не просто осознать свою ситуативную роль, но и принять каузируемое поведение (*должен пересмотреть свою позицию с принятием позиции адресанта*).

г) Прогнозирование возможных событий:

— *Боже мой! Я пропала! Реферат тью-тью! Я провалю сессию! Мне каюк!* (Устинова).

Импликатура побуждения (*помоги мне*) обусловлена субъективным прогнозированием будущего: демонстрации возможного развития событий, мыслимых адресантом как реалистичных, поэтому на основе закона эмоционального заражения адресат должен осознать бедственность положения и проникнуться сочувствием.

Таким образом, косвенный механизм побуждения, реализуемый посредством экспликации эмоциональной информации, представляет собой эмоциональное воздействие, направленное на программирование интерпретации адресата в направлении, желательном для адресанта. Прибегая к косвенному выражению интенции, адресант пытается завуалировать основную иллокутивную цель высказывания, повысить коммуникативный статус адресата и предоставить возможность принять решение о совершении действия при отсутствии прямого предписания к нему.

Литература

1. Маслова А. Ю. Коммуникативно-семантическая категория побудительности и ее реализация в сербском и болгарском языках на фоне русского языка. Саранск, 2008.
2. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М., 2008.

Лингвоконфликтология как пропедевтический курс для лингвистов-экспертов

Е. С. Кара-Мурза

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

kara@internets.ru

Лингвоконфликтология, лингвоправовой конфликт, речевые преступления, лингвистическая экспертиза

Summary. Linguoconflictology studies communicative conflicts from Forensic Linguistics point of view. It analyses ways of texts interpretation which lead to acknowledging them as speech crimes: diffamation, insult, slander, verbal extremism.

Конфликтное взаимодействие всегда изучалось ради преодоления конфликтов — от психологических до деятельностных: производственных, политических, юридических. В этом же направлении развивается и новейшая отрасль — лингвоконфликтология. В ней изучаются проблемы некооперативного общения и алгоритмы конфликтов в речедетельностных ситуациях, в зависимости от сфер социальной коммуникации, от целей речевого поведения и типов словесного творчества, в соотношении с ролями и статусами и психотипами коммуникантов. Ее идею выдвинули специалисты по юрислингвистике (Голев, Матвеева), и она складывается как вводный курс для преподавания теории и практики судебной лингвистической экспертизы [5], как вузовская дисциплина при подготовке экспертов-речеведов [1] и журналистов [3]. Лингвоконфликтология призвана подготовить студентов, которым предстоит участвовать в речевых конфликтах и информационных спорах в той или иной ипостаси (истцов, ответчиков, судей, экспертов), к профессиональному видению речевых преступлений, обнаружению их лингвистических показателей, соотношенных с признаками состава преступлений; избеганию конфликтогенов в своем творчестве или доказательному предъявлению их в экспертных заключениях.

В основе лингвоконфликтологии — идея сложной системы регуляторов речевого поведения и текстопорождения, базирующейся на литературных нормах и выстраивающейся через универсальную речевую конвенциональность до требований профессиональной этики (напр., Кодекса профес-

сиональной этики российского журналиста) и до законодательной регуляции в Уголовном и в Гражданском Кодексах и в профильном законодательстве (в Законах «О СМИ», «О рекламе» и проч.). Ее основное понятие, коммуникативный конфликт, — явление той же этиологии, что и коммуникативная неудача; а «острой» формой КК считаем речевое преступление (термин Ю. В. Рождественского) — деликт, совершаемый ХХХ [4].

В зависимости от роли коммуникантов в инициации конфликта, от уровня их языковой и коммуникативной компетенции, также от их (не)кооперативного настроения различаем 1) конфликты воплощения, связанные с Говорящим; намеренные — речевая агрессия или ложь. А также 2) конфликты, демонстрирующие добросовестное или злостное непонимание слушающим интенций Говорящего и аспектов комплексной семантики высказывания / текста (пропозитивной, иллокутивной и перлокутивной).

Значимая для лингвоэкспертной практики разновидность конфликта непонимания зиждется на особой установке реципиента — на подозрении своего партнера в заведомо некооперативном поведении, в том, что тот намерен речевыми поступками, текстами оказать неблагоприятное речевое воздействие на реципиента или нанести ущерб его репутации в глазах окружающих. Эта установка — своего рода «Анти-Грайс» и «Анти-Лич»; и в реальном общении она едва ли не более распространена, нежели доверие к собеседнику и ожидание конструктивного общения. Конфликт обостряется в случае публичного или медиатизированного

общения: одной из задач в журналистике и в политике является дискредитация влиятельного лица в глазах электората или начальства с последующими практическими результатами (от судебного преследования хозяйствующего субъекта до проигрыша на выборах); такие стратегии получили порицающее название «черного пиара».

Глубинные причины КК — пренебрежение ценностными представлениями и / или нарушение норм речевого поведения; они описываются в разных интерпретирующих системах (по В. З. Демьянкову): наивно-этической, деонтологической, правовой. В соответствии с последней конституируется особый тип конфликта — лингвоправовой. Он протекает как четырехсторонний конфликт интерпретаций на таком этапе КК, как возбуждение иска и судебный процесс по некоторому типу речевого преступления. В нем участвуют истец и ответчик как «наивные» герменевты, а также герменевты профессиональные — юристы (судьи, прокуроры, следователи), основывающие вывод на законе, и лингвисты-эксперты, использующие специальную интерпретирующую систему — юрислингвистическую (термин Н. Д. Голева). С герменевтической точки зрения, лингвистическая экспертиза — механизм коррекции понимания в ситуации лингвоправового конфликта.

Данный вариант лингвоконфликтологии формируется несколькими блоками: 1) вводный блок, где универсальное понятие конфликта раскрывается через закономерности речевого общения и воздействия конструктивного и деструктивного типа; 2) обзорный юридический блок, где предлагается типология речевых преступлений на основании общего и профильного законодательства; 3) юрислингвистические знания, также специализированные по типам речевых деликтов.

В посредническом характере лингвоконфликтологии видится глубокий смысл. Основа теории судебной экспертизы, в том числе смысловой, или просто лингвистической: при сборе доказательств и вынесении судебного решения различаются сферы компетенции и ответственности судей, с од-

ной стороны, и экспертов — с другой. Лингвоконфликтология нужна для формирования профессионального лингво-экспертного менталитета [6], потому что помогает различить и изучить три теоретико-методические системы, которыми должен владеть лингвист-эксперт: 1) профессиональную юрислингвистическую, в которой он составляет заключение, отвечая на вопросы суда или сторон конфликта; 2) коммуникативно-когнитивную парадигму, которой он пользуется на своей «аналитической кухне», и 3) юридическую, которую он должен знать как финальную герменевтическую систему: в ее терминах судья выносит приговор, для которого лингвистическая экспертиза (ЛЭ) служит источником доказательств.

В выступлении будет представлено лингвоконфликтологическое толкование речевых преступлений в журналистике и в политической коммуникации.

Литература

1. *Галяшина Е. И.* Лингвистическая конфликтология: Сборник методических материалов. М., 2007.
2. *Голев Н. Д., Матвеева О. Н.* Лингвистическая экспертиза: на стыке языка и права // Юрислингвистика-7. Язык как феномен правовой коммуникации. Барнаул, 2006. С. 168–184.
3. *Кара-Мурза Е. С.* Лингвоправовой конфликт как объект исследования в лингво-конфликтологии // Юрислингвистика и конфликтология. Межрегиональная конференция, июль 2009 (выступление, в печати).
4. *Ратинов А. Р.* «Когда не стесняются в выражениях...» Предисловие юриста // Понятия чести, достоинства и деловой репутации. Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 101–116.
5. *Третьякова В. Н.* Конфликт глазами лингвиста // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000. С. 143–158.
6. *Смирнов А. А.* Заметки о лингвистической экспертизе (менталитет юристов и лингвистическая ментальность). Текстология Ру. Публикации // www.textology.ru.public/lawyer.html/tis. 2004.

Выявление индекса интолерантности в информационном поле как способ диагностики текстом экстремистской направленности (в контексте вопроса о лингвистической экспертизе)

Т. Н. Касьянюк

Южный региональный центр судебной экспертизы Минюста России (Ростов-на-Дону) / Ростовский филиал «Российская академия правосудия»
kawitas@mail.ru

Лингвистическая экспертиза, информация интолерантного содержания, враждебная смысловая направленность сообщения

Summary. While making linguistic examinations the expert offers a way of revealing «intolerant index» in information as a means of diagnostics of a text written by those who are under suspicion in displaying extremism. This method suggests finding out the information of intolerant contents, defining hostility as a point of an examining text. The expert considers it necessary to analyze the texts in order to get real contents (real semantic shades), to define pragmatological meanings and to point it out as informational (containing data of facts) or as convincing, that is pragmatological.

В рамках лингвистической экспертизы с целью определения экстремистского характера речевого материала (устного или письменного) в первую очередь должна решаться задача по определению смысловой направленности спорных материалов (СМИ, публичных выступлений, книг, статей монографий и др.). Данная задача может быть решена путем выявления определенной информации, формы ее выражения и способов ее подачи. Так как информация может быть выражена «непрямо», «неясно» и на первый взгляд может быть «неочевидной» для каждого носителя русского языка (представителя аудитории или читателя), изучение представленной на исследование письменной или устной речи (например, текстов печатной продукции религиозных организаций и лекций их представителей, текстов псевдонаучных монографий и т. п.) нередко предполагает проведение разноразовного лингвистического анализа. В лингвистических экспертизах подобного вида, текст как сложное образование обычно исследуется одновременно на речевом, логическом, композиционном и других уровнях, с позиции речевой прагматики, с точки зрения возможного восприятия речи носителем русского языка, процесса извлечения им смысла, находящегося за внешней формой речевых высказываний, с учетом лексико-семантического и контекстного анализ слов и выражений и т. д. Интерпретация содержания словесного материала (текста, межфразовых единств, от-

дельных выражений) должна проводиться только с учетом контекста, смысловой направленности речи, ее речевой прагматики.

1. В соответствии со специальными знаниями и компетенцией лингвистической экспертизы поставленные перед экспертом-лингвистом вопросы должны предполагать выявление в «спорных» текстах **информации интолерантного содержания** — **негативной информации** в отношении какой-либо религии, конфессиональной группы, национальности, этнической или социальной группы или отдельных лиц как их представителей и обязательность **определения отобранных высказываний как имеющих пропагандистскую интенцию (направленность)**.

Таким образом, под **информацией интолерантного содержания** следует понимать **негативную информацию пропагандистского характера определенного содержания**, а именно:

- 1) во-первых, негативную информацию в отношении какой-либо религии, конфессиональной группы, национальности, этнической или социальной группы или отдельных лиц как их представителей, которая:
 - содержит резкую негативную оценку по отношению к объекту речи;
 - выражает негативное (неприятное, враждебное) отношение кого-либо по отношению к объекту речи;

- носит уничижительный характер по отношению к объекту речи;
- содержит утверждения об исключительности, превосходстве либо неполноценности человека по какому-либо признаку (например, религиозной, национальной принадлежности, отношению к той или иной религии и т. п.);
- приписывает всем представителям какой-либо группы действий, негативно оцениваемых современным обществом;
- способна подорвать уважение, вызвать недоброжелательное чувство, нерасположение по отношению к объекту речи;
- содержит побуждение к действиям в пользу одной религии, конфессиональной группы, национальности, этнической или социальной группы за счет других;
- содержит побуждение к осуществлению враждебных или насильственных действий в отношении какой-либо религии, конфессиональной группы, национальности, этнической или социальной группы или отдельных лиц как их представителей и др.;

2) во-вторых, негативную информацию, способную сформировать (или подкрепить) у адресатов негативный стереотип, отрицательный образ объекта речи или негативные установки по отношению к нему; побудить к действиям против объекта речи.

2. Смысловая направленность речи (содержание) обусловлена смысловой функцией сообщения (т. е. в подтверждение каких взглядов и идей используется данное сообщение и имеют ли отобранные высказывания пропагандистскую интенцию) и определяется из: а) смысла информации, б) формы выражения информации; в) языковых и / или невербальных средств выражения информации; г) речевых приемов и способов передачи информации и др.

Исходя из вышесказанного, в рамках подобной лингвистической экспертизы проведение анализа речевого материала должно быть направлено на получение следующих сведений: 1) реального содержания и смысловой направленности сообщения; 2) прагматики сообщения: цели и задачи, которые ставил автор, подготавливая и распространяя сообщение; авторский замысел, который он стремится доне-

сти до аудитории; при необходимости определить приемы и способы изложения материала, которые он использовал для реализации поставленных целей; 3) информации негативного содержания в отношении какой-либо религии, конфессиональной группы, национальности, этнической или социальной группы или отдельных лиц как их представителей; 4) квалификации выделенных выражений и всего сообщения как информационного (содержащего сведения о фактах и событиях) или как убеждающего (направленного на убеждение), т. е. пропагандистского.

Таким образом, первоочередной задачей лингвистической экспертизы текстов, подозреваемых на предмет проявления экстремизма, является выявление *индекса интолерантности в информационном поле*, т. е. наличия в спорном тексте информации *интолерантного содержания* и, как следствие, признаков *враждебной смысловой направленности* исследуемого сообщения.

Литература

1. Араева, Л. А., Осадчий, М. А. Судебно-лингвистическая экспертиза по криминальным проявлениям экстремизма // Уголовный процесс. 2006. № 4. С. 45–56.
2. Баранов А. Н., Грунченко О. Б., Левонтина И. Б. «Лингвистическое исследование текстов для выявления в них призывов к осуществлению экстремистской деятельности». М., 2008.
3. Материалы научно-практической конференции «Противодействие идеологии экстремизма и терроризма в рамках реализации государственной молодежной политики». Ростов-на-Дону, 12–14 октября 2009 года. Вып. 1. М., 2009.
4. Осадчий М. А. Судебно-лингвистическая экспертиза вербальных форм проявления экстремизма с учетом изменений от 27.07.2006 // Уголовный процесс. 2006. № 10. С. 54–64.
5. Ратинов А. Р., Кроз М. В., Ратинова Н. А. Ответственность за разжигание вражды и ненависти. Психолого-правовая характеристика / Под ред. проф. А. Р. Ратинова. М., 2005.
6. Чернышова Т. В. Стилистический анализ как основа лингвистической экспертизы конфликтного текста // Юрислингвистика-2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000. С. 206–213.

Способы создания и роль семантики неопределенности в публицистических текстах

Е. П. Кислова

Башкирский государственный университет (Уфа)

kislovabashgu@mail.ru

Семантика, ассоциации, ситуация, понимание текста, неопределенность

Summary. The role of the semantics of the uncertainty understanding concerning texts and texts of mass culture.

Процессы восприятия и понимания текста вызывают все больший интерес у специалистов, работающих в самых разных областях. Всплеск интереса к этим вопросам мотивирован общей тенденцией, наметившейся в лингвистике и смежных с ней дисциплинах, — тенденцией к наблюдению разнообразных языковых фактов и интерпретации полученных выводов в прикладном аспекте.

Очевидно, что в процессе понимания текста реципиент пользуется опорами, в качестве которых могут выступать ключевые слова, выводящие на экстралингвистическую ситуацию [1: 258]; эта ситуация задает программу интерпретации языковых средств текста, тем самым позволяя выявить смыслы, заложенные в тексте. Образ ситуации (фрейм) находится в памяти реципиента, следовательно, от семантики ключевых слов, корректируемой контекстными окружением, будет зависеть прогноз понимания текста, степень типизированности актуализуемой ситуации. Представляется весьма важным выявить характер связи между особенностями семантической структуры слова (сочетания слов) и его способностью к актуализации определенного образа ситуации в сознании воспринимающего индивида. Так, можно предположить, что слова полисемичные, сохраняющие неоднозначность в контексте, или слова, подвергшиеся метафоризации, с меньшей вероятностью задействуют образ типизированной ситуации, ведут к вариативности понимания. Напротив, восприятие вербальных моносемичных элементов, без контекстных смысловых «приращений», ведет к актуализации образа стандартной ситуации. Этот же эффект может быть достигнут путем введения в текст семантики

неопределенности, когда текст в целом или его фрагмент построен на опорах со специфическим, неконкретизированным смыслом; в таком случае адресат выстраивает собственную проекцию текста, вкладывая в подготовленный текстом шаблон ситуации собственное представление о ней.

Публицистические тексты ориентированы на значительную по количеству и неоднородную по своему составу аудиторию, они рассчитаны на однозначное понимание, его быстроту, стандартизованность. В качестве опорных элементов в таких текстах выступают слова с большой ассоциативной силой, и в тексте реализуются как раз стандартные ассоциации, общие для подавляющего числа носителей языка. С их помощью в сознании реципиентов возникает единый образ типизированной ситуации. А привлечение единиц с неопределенной семантикой приводит к появлению в тексте потенциальной информации, получение которой зависит от языковой, культурной компетенции реципиента. «Присутствие неявно выраженного смысла, имплицитной информации, метасмысла, делает высказывание особо ценным, содержательным и насыщенным...» [2: 355]. Такое развертывание текста характерно для некоторых подстилей публицистической речи, а также для ряда жанров массовой культуры.

В качестве образца подобного текста мы рассмотрели фрагмент моноспектакля Е. Гришкова «Как я съел собаку». В данном тексте описывается стандартная бытовая ситуация, когда трезвый мужчина задержался на работе и приходит поздно ночью домой, а домашние ему не верят и обвиняют в том, что он пьян. Для того чтобы слушатели уловили суть

происходящего, эмоции рассказчика, автор базирует свой текст на стандартных ассоциациях ключевых слов, актуализуя в сознании зрителей типизированные микроситуации.

Обобщенность, типичность ситуации придается и с помощью ряда других средств: это использование в тексте действительных элементов с неопределенной и обобщенной семантикой: *там семья как-то, как-то разогреть там, ситуация какая-то такая, какие-то дела, проснулись все* и т. д. — текст перенасыщен такими лексемами. Ту же функцию выполняет и отбор синтаксических конструкций, позволяющих идентифицировать ситуацию, актуализуемую упомянутыми лексемами, как каноническую, типичную. Такими конструкциями являются обобщенно-личные предложения с предикатом в форме 2 лица, ед. числа: *И слышишь, что проснулись все... и действительно пойдешь и ляжешь спать*. Более того, такая форма предиката сохраняется и в большинстве двусоставных конструкций. Другая группа предложений — неопределенно-личные, субъект которых также не конкретизирован: *Ну потому что там как-то ждут... и что-то там даже уронили...* Используемые языковые средства, создающие семантическую неопределенность, позволяют адресату наполнять такие шаблонные микроситуации конкретными деталями из своего собственного жизненного опыта, делают их узнаваемыми. Крайняя степень типизированности ситуации, репрезентированной целым рядом средств (тщательно отобранными лексемами с неопределенной семантикой и лексемами только в прямом значении, включенными в определенные пропозиции, синтаксическими конструкциями, интонационными средствами — многочисленными паузами, увеличением / уменьшением темпа речи, интонацией незавершенности в конце фразы и пр.) приводит к адекватному пониманию данного текста зрителями.

Семантика неопределенности в текстах СМИ может нести и другую функциональную нагрузку — намек на какие-то сведения, о которых открыто говорить по каким-то причинам нельзя. Использование языковых средств с такими це-

лями может выполнять роль правового шита: при отсутствии прямых номинаций и оценок автор текста не несет ответственности за клевету, пропаганду экстремизма, оскорбления и пр. Таковы тексты С. Доренко (радио «Эхо Москвы», передача «Особое мнение»).

Использование в речи этого говорящего большего количества указательных, личных и неопределенных местоимений (*Он поедет сейчас... и там исполнит это самое*) приводит к семантической неопределенности текста, лакунам, которые слушающий должен заполнять сам в меру информированности. Отсылка к общему для ведущего и адресата информационному фону объединяет создателя и получателя текста, делает слушателя сопричастным процессу создания передачи. Шаблон неопределенности достигается и употреблением абстрактных фраз и лексем с неопределенной семантикой, без пояснения их значения: *Вообще, очень интересная вещь, при дворе часто некие подозрения превращаются в мотивы для абсолютно серьезных действий* (каких?), *Т. е. есть некие вещи, которые никто и проверить не хочет, а просто кто-то кому-то шепнул...*; личных местоимений 3 л. мн. ч.: высказывание при этом приобретает дополнительный обобщающий смысл в связи с использованием предиката, свойственного неопределенно-личным предложениям (*они осуждают, они не правили, они же торгуют нефтью, и они же жрут* и др.).

Смысловая неопределенность в данном случае позволяет говорящему достичь сразу нескольких целей: 1) избежать прямых оценок, 2) заинтересовать слушателя путем предложения ему интеллектуальной загадки, 3) вывести материал из автоматизма восприятия. Степень неопределенности рассматриваемых текстов бывает так велика, что иногда адресату, из внимания которого выпал некий факт, бывает трудно понять тезис говорящего.

Литература

1. Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М., 1999.
2. Рябцева Н. К. Язык и интеллект. М., 2005.

Русский язык в правовой сфере общественной жизни: проблемы функционирования

Н. А. Любимов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

n.lyubimov@mail.ru

Правовая сфера общественной жизни; законодательство о языках; юридические требования к языку правовых актов; некорректность определения юридических понятий в лингвистических словарях

Summary. The paper is devoted to the problems function of Russian language in the legal sphere life of society.

Правовая сфера общественной жизни — это охватываемая правом область социальной жизни, связанная с созданием и надлежащей реализацией правовых норм, регулирующих различные общественные отношения. Обратим внимание на некоторые проблемы, возникающие при функционировании государственного языка Российской Федерации в правовой сфере общественной жизни.

1. **Проблема пробельности и дефектности действующего законодательства о государственном языке Российской Федерации.** Под пробелом в законодательстве следует понимать отсутствие конкретного нормативного правового акта, необходимого для того, чтобы регламентировать общественные отношения, входящие в какую-либо конкретную сферу правового регулирования. Вместе с тем *дефекты* в законодательстве выражаются главным образом в наличии в правовых актах различных противоречий, юридико-технических, а также лингвистических недостатков. Анализ конкретных положений Федерального закона от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» и других нормативных правовых актов, составляющих законодательство о государственном языке Российской Федерации, показывает наличие этих пагубных явлений, проявлением которых, в частности, являются:

- отсутствие массива нормативных правовых актов, необходимых для реализации положения ч. 3 ст. 1 Закона о порядке утверждения норм современного русского литературного языка;
- неопределенность в Законе понятия «сфера использования государственного языка Российской Федерации»;

каучуковость положения п. 5 ч. 1 ст. 3 Закона об использовании государственного языка Российской Федерации при официальном опубликовании международных договоров Российской Федерации, а также законов и иных *нормативных* правовых актов;

— неполнота подзаконного нормативного правового регулирования языковых отношений.

2. **Проблема адекватного определения юридических понятий в лингвистических словарях.** Понятийный аппарат юриспруденции — это система понятий, адекватно отражающих правовую действительность, ее бытие, структуру и логику функционирования. Однако анализ определений конкретных юридических понятий, содержащихся в лингвистических словарях, показывает обратное (наличие противоречий между определениями, зафиксированными в лингвистических словарях и определениями, являющимися традиционными в правоведении). Данный понятийный коллапс наблюдается, в частности, при анализе дефиниций слов ЛСГ «Законы, нормативные акты, кодексы», содержащихся во втором томе Русского семантического словаря под общей редакцией академика Н. Ю. Шведовой.

3. **Проблема реализации юридических требований к языку правовых актов.** Юридические требования к языку правовых актов можно определить как разработанные в правовой и лингвистической науках, сложившиеся в правоприменительной практике и получившие нормативное закрепление положения, вытекающие из природы права и имеющие специальные лингвистические средства выражения. Эти требования могут быть классифицированы по степени связи с

юридическими и лингвистическими категориями на собственно юридические и лингвоюридические. Собственно юридические требования вытекают из регулятивных свойств права. К ним относятся, в частности, требования официального характера, простоты, точности и ясности языка правовых актов. Лингвоюридические требования, к которым относятся, например, безличность языка правовых актов, ди-

намизм языка, экономичность использования языковых средств, экспрессивная нейтральность языка правовых актов, выражают собственно юридические требования на лингвистическом уровне.

В докладе будут рассмотрены конкретные примеры нарушения различных юридических требований к языку правовых актов.

Аудитивная лингвистика: криминалистический аспект

П. А. Манянин

Экспертно-криминалистический центр ГУВД по Алтайскому краю (Барнаул)

manncomm@mail.ru

Звучащий текст, аудитивный анализ, деривационная текстология

Summary. The report is devoted to the role of an auditive analysis in the structure of linguistic investigation of resonant speech.

1. В практике судебной экспертной деятельности специалистов-филологов по материалам записей фонограмм накоплен опыт, который может быть использован в развитии методологии лингвистического анализа звучащей речи (аудитивной лингвистики — см., например, [5]), в частности, в сфере фонетического анализа при исследовании особенностей произнесения речи, анализа суперсегментных единиц речи как отдельного диктора, так и каждого участника разговора в ситуации их взаимодействия и др. Актуальным является вопрос о методах анализа и способах применения в лингвистическом анализе звучащих характеристик акустической обстановки общения, представленных неречевыми звуками (шорохи, шаги, различные уличные шумы и т. п.), поскольку запись звучащей речи содержит информацию не только о содержании речевого события, но и об его участниках, обстоятельствах общения (акустической обстановке), условиях записи, обуславливающих смысловую структуру текста, и, соответственно, учитывающихся при экспертной интерпретации.

2. В связи с этим в качестве объекта аудитивной лингвистики может рассматриваться звучащий текст (ЗТ) речи говорящих в совокупности со звучащими характеристиками ситуации создания и воспроизведения текста. Этим обусловлено своеобразие исследования ЗТ, выражающееся в проведении собственно лингвистического и аудитивного анализов.

2.1. Лингвистическим анализом исследуется вербальное содержание ЗТ в совокупности с используемыми коммуникантами средствами суперсегментного уровня, составляющими интонационно-просодическую структуру текста (интонация, паузация, звуковые жесты, ритм, речевое дыхание, высота, сила, тембр голоса и т. п.).

2.2. Аудитивный анализ направлен на исследование предметного содержания звучащих характеристик коммуникативной ситуации, условий ее записи [4], качества звучания речевых сигналов, относящихся к экстралингвистическому компоненту ЗТ [2]. Описания существенных для задач исследования характеристик ситуации общения, особенностей коммуникативного взаимодействия дикторов в некоторых случаях вносятся специалистом в текст устанавливаемого дословного содержания разговора специальными комментариями [3], трансформируясь, таким образом, из элементов экстралингвистических в собственно текстовые (ср., например, ремарки в текстах драматических произведений, типа «встает и уходит», «появляется на сцене» и т. п.).

3. Лингвистическое исследование совокупности исходного коммуникативного события, звучащего текста (на фонограмме), его письменной репрезентации, а также связей между ними предлагается рассматривать с позиций деривационной текстологии, предметом которой являются связи текста с другими текстами, с которыми он находится в отношениях первичности / вторичности, исходности / производности, простоты / сложности. Деривация здесь — образование текста 2 (Т2) от текста 1 (Т1), где Т1 является исходным и создается независимо от Т2, а Т2 создается на основе первого путем определенных операций [1]. Представляется актуальной проблематика текстовых трансформаций при деривационных переходах в рамках типовой для экспертной практики деривационной цепи: коммуникативное событие — ЗТ — письменный текст.

3.1. На этапе деривации «ЗТ — письменный текст» происходит смена знаковой системы выражения содержания текста с аудитивно воспринимаемых элементов на графические

средства их оформления. Этим обуславливается важность корректного транскрибирования разговора и описания сопутствующей ему звуковой обстановки.

3.2. На этапе деривации «коммуникативное событие — звучащий текст» (выход на проблему дискурсивно-текстовых отношений) в зависимости от качества записи и других факторов встречается полная или частичная (с сохранением интонационно-просодической структуры) утрата или искажение звучания текстовой информации на уровне части слова, слова или фрагмента большего объема, внесение шумовых помех и т. п. Подобные изменения текстового материала, обусловленные ситуацией его деривационной трансформации, являются допустимыми (ситуационными). На данном этапе возможно появление «промежуточного» текста: коммуникативное событие — ЗТ1 — ЗТ2 — письменный текст. ЗТ2 образуется, как правило, в результате редактирования (монтажа) ЗТ1 — предмет отдельной экспертной задачи. ЗТ2 в данной цепи является носителем дополнительных изменений текста, не свойственных естественной деривации (неситуационных). В качестве неситуационных изменений могут рассматриваться нарушения логической последовательности в развитии ситуации общения, отсутствие реализации микротем разговора, наличие которых обусловлено коммуникативной ситуацией, отсутствие каких-либо сигналов смены тем / микротем и / или их семантических атрибутов, нарушения формальной цельности элементов ЗТ, функциональное несоответствие интонационно-просодических средств прагматическим и семантическим характеристикам реплик коммуникантов в их взаимодействии и др. Выявленные изменения анализируются и классифицируются в соотношении с особенностями коммуникативной ситуации (например, способ общения: непосредственный / опосредованный; акустическая обстановка: в помещении / на улице, в динамике / статике; состав коммуникантов: переменный / постоянный, наличие / отсутствие публики; наличие / отсутствие голосовых или речевых реакций коммуникантов на изменение шумового сопровождения и др.), определяемыми преимущественно методами аудитивного анализа.

4. Несмотря на то, что аудитивный анализ экстралингвистического компонента звучащего текста по своему предмету может считаться самостоятельным исследованием, в экспертной практике отмечается его стремление быть неотъемлемой структурной частью аудитивной лингвистики. Расширение методологии изучения звучащей речи за счет смежных видов анализа способствует увеличению объема решаемых вопросов, расширению сфер применения специальных лингвистических познаний.

Литература

1. Василенко Т. Н. Переводной и оригинальный тексты: деривационный аспект // Человек — Коммуникация — Текст: Сборник статей / Под ред. А. А. Чувакина. Вып. 7. Барнаул, 2006. С. 43–50.
2. Гримайло Е. А., Назарова Т. В., Мамаев Н. Ю., Коршиков А. П., Ростовская А. В. Типовая методика судебной лингвистической экспертизы: Методические рекомендации. М., 2007.
3. Манянин П. А. Анализ экстралингвистического компонента текста при производстве фоноскопической экспертизы // Криминалистические средства и методы в раскрытии и расследовании преступлений: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции по криминалистике и судебной экспертизе. М., 2009.
4. Носуленко В. Н. Психология слухового восприятия. М., 1988.
5. Потанова Р. К., Потанов В. В. Язык, речь, личность. М., 2006.

Правовая регламентация речевой деятельности как фактор коммуникации

М. А. Осадчий

Кемеровский государственный университет
osadchij@mail.ru

Преступления, совершаемые вербальным способом, свобода слова, эвфемизм, речевая стратегия, юрлингвистика

Summary. The norms for regulation of public speech activity work in modern Russian cultural and language space as well as in that of other countries. This set of legal rules outlines the limits of necessary freedom and unfreedom of a language speaker and vests him / her with a set of rights and duties. As a consequence from that, strategies of lowering legal risks are formed in language conduct of the Russian language speakers: euphemistic substitutions, polysemization of speech messages and clouding of denotation sphere.

Применительно к свободе массовой информации на территории Российской Федерации действует статья 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в соответствии с частью 1 которой каждый человек имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения, получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ.

Вместе с тем, в части 2 статьи 10 названной Конвенции указано, что осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия.

На территории Российской Федерации законодательно закреплены рамки свободы слова. Статья 152 Гражданского кодекса РФ определяет правила защиты чести, достоинства и деловой репутации гражданина; статьи 119, 129, 130, 296, 297, 298 Уголовного кодекса РФ предусматривают ответственность за осуществление угрозы, оскорбления, за распространение клеветнической информации; статьи 239, 280 и 282 Уголовного кодекса предусматривают ответственность за публичные призывы к отказу от исполнения гражданских обязанностей, призывы к осуществлению экстремистской деятельности, возбуждение ненависти либо вражды, а также унижение человеческого достоинства.

Кроме того, пунктом 7 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации право на защиту деловой репутации и доброго имени закреплено в том числе за юридическим лицом. Авторитет, имидж, репутация сегодня являются важнейшими составляющими успешного бизнеса, недаром по отношению к данным благам в бизнес-сообществе принято наименование «нематериальные активы». Нелестные оценки и прямо лживая информация способны не только подорвать материальное благополучие компании, повлиять на темпы ее развития, но и вытеснить компанию с рынка.

Следовательно, в современном российском обществе публичная речевая деятельность является сферой риска. При осуществлении собственных прав и свобод велика опасность ущемить права и свободы другого гражданина, нанести урон активам предприятия, что неминуемо влечет за собой как административную, гражданскую, так и уголовную ответственность.

В лингвистическом аспекте правовая регламентация про-стирается на все три оси языковой системности: семантику,

синтактику и прагматику. Семантическое измерение языка претерпевает давление правового регламента в наибольшей степени: чаще всего правовая ответственность наступает в связи с распространением неправомерной информации, то есть ключевым составом преступления является содержание речи (порочащая информация, распространение секретных сведений или сведений о личной жизни, угроза, возбуждение национальной или социальной вражды). Ряд преступлений, совершаемых вербальным способом, характеризуются высказываниями, имеющими определенную форму, синтаксический образ (в качестве наиболее яркого примера можно указать на оскорбление). Наконец, прагматическая составляющая речевого сообщения становится немаловажной частью неправомерных коммуникативных актов. Здесь следует говорить, прежде всего, о преступлениях, характеризующихся прямым умыслом (клевета, угроза, призывы к экстремистской деятельности, возбуждение социальной и национальной вражды). Состав такого рода преступлений является полным в том случае, если будет доказано, что языковой носитель реализовал определенную речевую стратегию, то есть совершение наказуемого действия являлось осознанной коммуникативной задачей говорящего.

Осознание языковыми носителями публичной речевой коммуникации как сферы риска приводит к формированию в языковой культуре отдельных носителей языка и целых языковых сообществ алгоритмов «легального» речевого поведения. Речевой имидж современного общественного деятеля (политика, журналиста, управленца) включает формулы ухода от правовых рисков. Эти формулы, как правило, связаны с введением в речь маркеров субъективности, осознанных «затемнением» зоны денотата семантики речевого сообщения, созданием предпосылок для двойственной интерпретации высказывания.

Такого рода стратегии в деятельности оратора вступают в сложные корреляции с центральным необходимым качеством публичной речи — суггестивностью. Наблюдения за современной публичной массовой коммуникацией позволяют регистрировать и изучать случаи симбиоза включающих коммуникативных стратегий, направленных, с одной стороны, на создание у целевой аудитории яркого впечатления и недвусмысленного убеждения после восприятия речи оратора, с другой стороны — на полисемизацию речевого сообщения и «затемнение» денотата в целях снижения правовых рисков.

Как результат в современной русистике возникает задача теоретического осмысления феномена правовой регламентации как реального и конститутивного фактора коммуникации, выделение и системное изучение «легальной» и «нелегальной» зон современного русского языка, корпуса эвфемизмов (в широком смысле этого термина) как алгоритмов осознанных замен на уровне смысла и содержания речи в целях снижения правовых рисков.

Проблема декодирования агрессивных речевых актов в не прямой коммуникации

Э. Э. Паремузашвили

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (Москва)
shvilieka@rambler.ru

Речевой акт, когнитивно-коммуникативная парадигма, прагмалингвистика, не прямая коммуникация, стратегия доминирования

Summary. Process of decoding of aggressive speech act is considered by us in structure of strategy of domination in a context of indirect communications.

Теория речевых актов Дж. Л. Остина и Дж. Р. Серля, объединившая в своей структуре теорию речевой деятельности А. А. Леонтьева, теорию речевых жанров М. М. Бахтина и А. Вежбицка, рассматривается нами с точки зрения когнитивно-коммуникативной парадигмы.

В основу когнитивно-коммуникативной парадигмы мы кладем определение языка как когнитивного процесса, осуществляемого в коммуникативной деятельности, в которой любое высказывание воспринимается со своей функциональной стороны, то есть с точки зрения дискурс-анализа в

полифоническом исполнении говорящего и слушающего, так как высказывание в речевой коммуникации можно опознать и назвать.

Из когнитивно-коммуникативной парадигмы выделена прагмалингвистика, сфера применения которой обширна, так как охватывает все аспекты акциональности (речедействительности): от понятия «речевой акт» до понятия «дискурс» вообще, и от понятий «агрессивный речевой акт», «агрессивный человек говорящий» до понятия «агрессивная среда» общения, в частности.

Прагмалингвистика, занимавшаяся проблемами речевой коммуникации, как вербальной, так и невербальной, направлена на изучение речевых действий (локутивных актов), несущих в себе определенное коммуникативное задание (иллокутивный акт), и достигающих запланированных эффектов (перлокутивных актов).

Так называемая «иллокутивная сила» или «хотение», по определению Л. С. Выготского, реализуется в прямых (эксплицитных) и косвенных (непрямых, имплицитных) речевых актах.

Основными содержательными особенностями непрямых речевых актов являются, по мнению В. Дементьева, такие признаки, как осложненная интерпретативная деятельность адресата, неконвенциональность, ситуативная обусловленность и креативность.

К непрямым речевым актам можно отнести следующие: *намек, метафора, ирония, скрытая насмешка, уклончивый ответ, умолчание, иносказание* и др.

Любой речевой акт может быть реализован с точки зрения выбранной стратегии речевого поведения. Вслед за

В. И. Шляховым, мы выделяем три концептуальные стратегии: *кооперации или сотрудничества, словесного доминирования (перзусивности) и противостояния словесному воздействию*.

Словесная агрессия, как мы считаем, выходит из стратегии доминирования, речевой потенциал которой направлен на то, чтобы нанести «информационный ущерб» личности. Непрямая речевая агрессия содержится в речевом акте, негативная иллокуция которого не вытекает из суммарного значения входящих в высказывание компонентов.

Агрессия, вербализующаяся с помощью непрямых речевых актов, может быть направлена на внешний вид, умственные способности, моральные качества адресата.

Скрытая насмешка и умолчание:

Боже мой / какая ты красавица // Глаза б мои тебя не видели! (в сторону.)

Ирония:

Да / ты очень умна / доченька / особенно когда приносишь двойки из школы.

Ирония:

Порядочность твоя безгранична / дорогой! (Жена мужу, который очень поздно вернулся домой после работы.)

Процесс декодирования агрессивных речевых актов, реализуемых в структуре непрямого общения, является практикой очень сложной, так как требует от интерпретатора не только чисто лингвистических знаний, но и «экстралингвистического чутья», с помощью которого в речевом потоке адресат сможет распознать и вывести все скрытые смыслы говорящего на поверхность.

Динамика развития современного российского политического дискурса

О. Н. Паршина

Астраханский государственный технический университет

olga_parshina@list.ru

Политический дискурс, речевые стратегии, коммуникативные тактики

Summary. In the report active processes of a modern Russian political discourse are considered. Research is based on the strategico-tactical approach. The analysis of tactics of charge, tactics of exposure, tactics of criticism and threat tactics is given.

Особенности политической коммуникации детерминируются структурными свойствами политики, а также различными условиями протекания политической коммуникации, что в конечном итоге порождает такие ее качества, как подвижность, изменчивость.

Несомненный интерес в этом плане представляет исследование современного российского политического дискурса. Проведенные нами наблюдения на материале последних выступлений политических лидеров страны дают основание представить более широкую картину развития российского политического дискурса в прагматическом аспекте. В связи с изменениями, происходящими в мировой политике, международных отношениях, часто оказываются востребованными такие событийные речевые жанры, как международные переговоры, пресс-конференции, выступления-заявления по поводу отдельных событий в мире и стране и др.

В последнее время в выступлениях российского президента и премьер-министра отмечается усиление агональной функции политического дискурса, что проявляется в полемичности, активности отрицаний и противопоставлений, в категоричности оценок и даже агрессивности высказываний. Изменилась ситуация — изменились применяемые лидерами страны стратегии и тактики речевого поведения. Так, используются не только стратегии удержания власти, но и приемы, ранее отмеченные как характерные в период борьбы за власть, в частности, тактики разоблачения, обвинения, оспаривания [1: 57].

Любая стратегия общения реализуется в речевых тактиках, которые представляют собой выбор и последовательность речевых действий, характеризующихся своей задачей в рамках избранной коммуникативной стратегии [1: 180]. Как показывают наблюдения, **обвинение** в речи политических лидеров — это, как правило, обличение или разоблачение. Семантика тактики открытого обвинения реализуется обычно через прием противопоставления, контраста. Реализацию тактики обвинения можно представить в виде следующей модели построения: 1) выражение отрицатель-

ного отношения к фактам, событиям, ситуации + 2) указание на отрицательные последствия: *Сегодня мы наблюдаем почти ничем не сдерживаемое, гипертрофированное применение силы в международных делах... И в результате не хватает сил на комплексное решение* (В. В. Путин). На уровне языкового воплощения тактика обвинения реализуется через употребление номинаций с резко отрицательной окраской, оценочных эпитетов с отрицательным компонентом значения: *тяжелые ошибки, гибнет, угрозы, гипертрофированное, пренебрежение международным правом, опасность дестабилизации*. Нередко лексемы с отрицательной оценочностью сопровождаются усилителями семантики обвинения и критики: *ничем не сдерживаемое; серьезно провоцирующий фактор*. Сила речевого воздействия обвинения увеличивается, когда речевые маркеры этой тактики проявляются не только на лексическом, но и на синтаксическом уровне: *И давайте называть вещи своими именами: получается, что одной рукой раздается «благотворительная помощь», а другой — не только консервируется экономическая отсталость, а еще собирается прибыль* (В. В. Путин). Прием контраста и ирония усиливают эмоционально-экспрессивную тональность высказывания.

Близка к тактике обвинения **тактика разоблачения**, для которой характерно эксплицитное выражение негативной оценки полученной информации, резко отрицательного отношения к действиям, высказываниям противостоящей стороны: *Но дело не только в том, что администрация США не смогла удержать грузинское руководство от этой преступной акции — американская сторона фактически вооружила и обучила грузинскую армию* (В. В. Путин). Структурные, репрезентирующие тактику разоблачения языковые средства отличаются повышенной экспрессивностью за счет употребления перечислительных рядов, адекватных словосочетаний (*открыто заявили*), дискурсивов. Так, дискурсив *более того*, акцентируя последующее высказывание, усиливает его значимость и создает момент экспрессивного напряжения.

Агональная функция политического дискурса может проявляться и в **тактике опровержения**, реализующейся обычно по следующей модели: 1) выражение несогласия + 2) опровержение. Наблюдения показали, что возражение, опровержение, как характерные составляющие тактики опровержения, как правило, всегда детально и основательно аргументируются: *Вот вы говорили о возможной угрозе со стороны России. Мы с вами здесь сидим сейчас, беседуем мирно в городе Сочи. В нескольких сотнях километров отсюда подошли американские боевые корабли с ракетным вооружением на борту, дальность действия которых как раз несколько сот километров. Это же не наши корабли пришли к вашим берегам, а ваши пришли к нашим. Выбор у нас какой? Мы хотим нормального сотрудничества и уважительного отношения к нам и нашим интересам* (В. В. Путин).

В речевом поведении политических лидеров страны частотна **тактика критики**. Семантика этой тактики — указание на недостатки. Обычная модель тактики критики: 1) указание на негативные факты, явления, решения + 2) обоснование своего негативного отношения к ним (*потому что ...*): *... документ является непродуманным и непрофессиональным, потому что ...*. Возможен и другой вариант: 1) описание ситуации + 2) предполагаемый вывод «со знаком минус». На языковом уровне возможна реализация тактики критики не только лексемами с отрицательной оценочностью, но и условно-следственными и причинно-следственными синтаксическими конструкциями. В наших материалах встретились модификация этой модели: 1) допущение

положительной оценки (*может быть, и неплохо ...*) + 2) замена положительной оценки отрицательной (*но если ..., то это уже другая тема*). В этом случае критика начинается с констатации фактов, событий, оцениваемых положительно, а затем формулируется второе высказывание, которое содержит критические замечания.

В рамках агональной стратегии наблюдаются и другие неспециализированные тактики, в частности, тактика угрозы. **Тактика угрозы** на когнитивном уровне часто представляет собой указание на следствие, предполагаемый негативный результат совершения оппонентом определенных действий. Она может быть представлена косвенными формами репрезентации содержания, импликационными структурами: *Если интересы России будут игнорироваться, то мы также будем вынуждены начать пересмотр принципов наших отношений с партнерами* (В. В. Путин).

Итак, категории стратегии, тактики, приемов и средств речевого воздействия представляют в совокупности важнейшую из иерархических систем политического дискурса.

Современный политический дискурс развивается как по линии расширения границ его функционирования за счет включения новых материалов и новых жанров, так и за счет уточнения соотношения стратегий и тактик коммуникативного поведения политических лидеров.

Литература

1. Паршина О. Н. Российская политическая речь: теория и практика. М., 2007.

Специфика перцептивно-зрительной сегментации дистантного опосредованного устно-речевого дискурса*

Р. К. Потапова, М. В. Хитина

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Московский государственный лингвистический университет»

rkpotapova@yandex.ru

Устно-речевой дискурс, перцептивно-зрительная сегментация, макросегментация, маркеры границ

Summary. This paper presents the data of the experiment for perceptive-visual segmentation of distant mediated spoken discourse converted to quasitext. The following data are given: distribution of macrosegmentation markers, the significance of their role and the strategies of material distribution by the informants.

Целью исследования была разработка теории речевой сегментологии на базе когнитивной рефлексии и коммуникативно-деятельностного подхода. Для решения поставленной проблемы был проведен эксперимент по перцептивно-зрительной сегментации дистантного опосредованного устно-речевого дискурса. Тексты аутентичных телефонных диалогов были преобразованы особым образом (в квазитексты). В орфографическом представлении диалогов были исключены все знаки препинания, пробелы между словами и заглавные буквы; сохранено только членение на реплики. В представлении других диалогов было, кроме того, устранено членение на реплики.

Задачей информантов было осуществление макросегментации материала (членение на синтагмы с учетом их специфики в разговорной речи, а также на фразы). Предварительно было проведено анкетирование информантов.

Анализ результатов макросегментации Квазитекста № 1 показывает, что практически все участники справились с предложенным заданием, однако «успешность» выполнения задания у разных информантов была различной. Так, в первых, информанты либо использовали разные стратегии сегментации (одни давали более дробные варианты членения — на синтагмы или, в ряде случаев, на фонетические слова, оформленные как синтагмы или фразы; другие выделяли более крупные сегменты, которые, вероятно, в большей степени соответствуют тематическим фрагментам). Во вторых, в ряде случаев информанты не ставили маркеров сегментации на границах между репликами (даже в случае, если эти границы явно прослеживались). В некоторых случаях границы между фразами и границы между репликами отмечались одновременно. Исследование полученных маркеров границ показало, что присутствует преимущественное использование маркеров того или иного типа в определен-

ных позициях (либо маркеров синтагматической границы, либо фразовой). Причем в пределах реплик более частотным оказываются маркеры синтагматических границ, а в конце реплик — фразовых.

Частота появления маркеров указанных видов колеблется от 1 до 22 (при $n = 30$). Как и в ранее проведенном эксперименте по сегментации звучащего материала можно выделить три зоны: ядерную (маркирование границ более чем десятью информантами), промежуточную (от 2 до 10 информантов) и маргинальную (факультативные границы, проставленные 1–2 информантами).

Применительно к ядерным маркерам можно отметить, что их появление обычно наблюдается при смене темы (как внутри реплики, так и на границах между ними), чаще при этом используются и дискурсивные слова (*ну вот, так скажем, да нет, и все, что ль, (ну) смотри, да, ну нормально, отлично, ясно* и др.). Эти границы были отмечены половиной (и более) участников эксперимента. Промежуточные границы частично использовались для проставления границ в фатическом общении, кроме того, они могли появляться внутри реплик, иногда также после дискурсивных слов (*ну, да, да нет и др.*).

Те информанты, которые указывали на границы между репликами, отмечали маркеры почти во всех возможных местах. Однако были информанты, которые ставили меньше маркеров границ, при этом малое количество маркеров фразовых границ компенсировалось наличием маркеров межсинтагменных границ (т. е. отличия отмечались не по количеству, а по качеству проставленных маркеров сегментации). Общее число маркеров на границах реплик по разным информантам отличалось незначительно. Что касается маркеров границ, проставляемых в пределах реплик, то здесь отмечалось большее разнообразие. Тем не менее преобладала

* Работа поддерживается грантами РФФИ 05–06–80182 и 08–06–00098. Науч. рук. д-р филол. наук, проф. Р. К. Потапова

тенденция к большому количеству проставляемых маркеров межсинтагменных границ. Интересно отметить, что соотношение количества маркеров границ между репликами и внутри реплик также значительно отличалось у разных информантов.

Предложенные варианты описания содержания диалога обычно содержали базовую информацию. Они отличались по объему (от одного короткого предложения общего характера до более подробного — в двух-трех развернутых предложениях — представления ситуации, отражающего реальную последовательность действий участников). Что касается подчеркнутых в тексте слов или словосочетаний, которые, по мнению участников эксперимента, отражали его основное содержание, то в большинстве случаев эти единицы соответствовали наиболее значимой информации текста.

Для Квазитекста №2 информанты должны были в сплошном потоке букв выделить не только синтагмы и фразы, но и осуществить разбиение разговора на реплики. Как оказалось, это вызвало у информантов определенные трудности. Так, относительно надежно были вычленены реплики, связанные с фатическим общением. Что касается остальных реплик, то все они были разбиты информантами на несколько частей (о двух до восьми). Можно предполагать, что некоторые информанты автоматически считали границы между фразами еще и границами между репликами. Однако, как показывает анализ границ между репликами, далеко не все из них имеют большую частоту. Часть кусков реплик выделяют только несколько информантов (они мо-

гут быть отнесены к маргинальной зоне). Кроме того, репрились случаи, когда слова из предшествующей реплики были отнесены информантами к последующей реплике. Соотношение числа маркеров синтагматических и фразовых единиц у разных информантов отличалось. Имелись случаи, когда преобладало количество маркеров синтагматических границ, и наоборот.

Проведенное исследование позволяет констатировать следующее:

1. Анализ макросегментации преобразованных специальным образом текстов телефонных диалогов показывает, что маркеры границ, отмеченных информантами, можно разделить на три группы (ядерные, промежуточные и маргинальные) в зависимости от частоты их встречаемости на том или ином участке квазитекста.

2. Отсутствие членения на реплики затрудняет сегментацию материала (увеличивается количество выделяемых информантами реплик, возможно дробление одной реплики на несколько фрагментов, и наоборот, присоединение к последующей реплике части предыдущей).

3. Соотношение маркеров синтагматических и фразовых границ различно у разных информантов, кроме того, у некоторых информантов отмечается преобладание маркеров одного из указанных видов.

4. Можно предположить, что такие затрудняющие восприятие факторы, как исключение заглавных букв, пробелов и особенно членения на реплики, осложняют определение информантами основного смыслового содержания опознрованного дистантного устно-речевого дискурса.

Язык СМИ с точки зрения лингвистической конфликтологии

Т. В. Романова

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова

tvromanova@mail.ru, soling@mail.ru (для Т. В. Романовой)

Конфликтный текст, речевая стратегия, речевая тактика, средство речевого воздействия

Summary. The report deals with the revealing linguistic and speech reasons which make mass media's texts conflict. For that purpose the print media's texts of the social-political subject matter are examined, the disputed speech strategy and tactics, which have been used and the linguistic means of their realization, are analyzed.

Практика работы СМИ, региональных в том числе, позволяет сделать вывод о нетолерантности этой сферы общественной жизни, о несоблюдении принципов и правил бесконфликтного общения. С целью выявления языковых и речевых причин конфликтности мы анализировали тексты социально-политической тематики следующих региональных печатных СМИ (период 2005–2009 гг.): газеты «Понедельник», «Нижегородская правда» (НП), «Ленинская смена», «Комсомольская правда НН», «Держинец», «Земляки» (г. Кстово), «Аргументы и факты НН» (АиФ), «РеАКЦИЯ», «Новое дело» (НД), «Жизнь», «Нижегородский рабочий», «Проспект НН», «Город и горожане», «Коммерсантъ»; журнал «Деловая неделя»; материалы, размещенные на сайте <http://www.politkuhnja.ru>. Основной метод анализа — контент-анализ, количественный анализ текстов и текстовых массивов с целью последующей содержательной интерпретации выявленных числовых закономерностей (используемых тактик и стратегий, структурно-семиотических единиц, понятийно-тематических единиц, образных единиц и т. д.).

К конфликтным речевым стратегиям относятся, как показал исследуемый материал, стратегия самовыражения (демонстрация коммуникативной нескромности), стратегия отрицательной оценки, повышенной эмоционально-экспрессивно оценки, стратегия дискредитации.

В текстах региональных СМИ стратегии дискредитации служат следующие речевые тактики: прямое оскорбление, высмеивание, клевета, драматизация, «навешивание ярлыков», покушение на ценности объекта оценки, изречение истины в последней инстанции, обвинение, доведение до абсурда мысли оппонента.

Конфликтные тактики реализуются определенными языковыми средствами и речевыми приемами. Рассмотрим языковые средства, употребление которых способствует «конфликтности» текста. Особую роль с точки зрения лингвоконфликтологии играет оценочное, ненормативное, инвективное функционирование языка. Обращает на себя внимание речевая неупорядоченность (термин В. И. Конькова),

неуместность употребляемых СМИ языковых средств. Мы имеем в виду, в первую очередь, злоупотребление разговорно-просторечной лексикой: *профукаем, продул, все дворы загажены, мы не в уличной драке, грызутся, потрафить, навороченная иномарка, кореш, на своем же в доску НТВ, свой в доску для Кремля. И начнет этот третий раздавать деньги! Направо-налево*; разговорные частицы *то, же, вот и*; эвфемистические выражения: *отхожее место* и т. д., жаргонной лексикой: *отважные граждане, наезд на правительство, подставить, разводите на бабки* и т. д.; намеренное употребление элементов высокого стиля, как правило, в целях создания иронического эффекта: *Кириешко — ум, честь и совесть нашей эпохи!* (НД, 24–30 ноября 2005 г.).

Словообразование — наиболее консервативный раздел языка, неохотно представляющий свои ресурсы манипулятивным техникам и конфликтным тактикам. Именно поэтому использование словообразовательных возможностей языка бывает весьма эффективно. Например, суффиксов субъективной оценки (*рокировка, человечше*), формообразующих суффиксов (*величайший, славнейший*), модально-оценочных префиксоидов (*полуправда*), окказионализмов (*тришинцы, тришиномафия* — от фамилии Тришин, *Кириешко* — от Кириенко, *Нижний Выгород, Сергей Владимирович, Минкин и Поджарский, «Нижевыгородский работник»*).

Из морфологических средств обращает на себя внимание использование категории числа: *Путин предъявил Фомам неверующим вещественные доказательства* (Жизнь, 24 ноября 2005 г.); *чубайсы, зурабовы* (НП, 10 ноября 2005 г.); лексико-грамматической группы наречий со знанием положительной оценки качества действия: *мужественно, отважно, бесстрашно* (НД, 24–30 ноября 2005 г.) и др.

Достаточно широкий выбор средств речевого воздействия представляет синтаксисом. Выбор синтаксической конструкции способен, в частности, менять точку зрения, включать или не включать в фокус внимания тех или иных участников ситуации и тем самым достигать эвфемистического эффекта или, напротив, избегать его. Как правило, кон-

фликтно использование эмоционально-оценочных синтаксических конструкций и приемов. **Парцеллирование, присоединение:** *Это был всего лишь альт. Тоже смычковый инструмент типа скрипки, но не скрипка. И тем более не первая... Игра немножко сложнее. Если не сказать, хитрее. И как начнет этот третий раздавать деньги! Направо-налево* (Жизнь, 24 ноября 2005 г.). **Сегментация:** *Иванов — он один такой!* (Там же). **Параллельные отрицательные конструкции,** начинающиеся с категоричного отрицания словом-предложением: *Нет, он не стал распускать Законодательное собрание <...> Нет, живите, если можете* (<http://www.politkuhnja.ru>). **Однородные ряды.** Градация: *разбитых, замусоренных, разваленных, низких* (НД, 17–23 ноября 2005 г.); алогизм: *Врачам, учителям, пенсионерам, пионерам* («Жизнь», 24 ноября 2005 г.). **Восклицательные, вопросительные предложения** (в том числе риторический вопрос), **обращения,** прием **многогочия** придают эмоциональность сообщаемой информации: *Следствие выяснило, что женщина, мол, сама не увидела машину Иванова-младшего на регулируемом пешеходном переходе, из-за чего*

этот младший просто не мог предотвратить трагедию <...> Граждане, соблюдайте ПДД! Уступайте дорогу высокопоставленным чиновникам и их родственникам! (НД, 24–30 ноября 2005 г.); *Вот тебе и рука Москвы!* (<http://www.politkuhnja.ru>). Частотное использование **разговорных конструкций,** например **эллиптических предложений:** *Сначала — копия Лужкова, а потом уже копия Минину и Пожарскому* (<http://www.politkuhnja.ru>).

Подводя итоги еще раз скажем о том, что конфликтность на языком и речевом уровнях связана с общей категоричностью текстов, с выражением неодобрения и несогласия в резкой форме, с использованием отрицательных оценочных выражений. Именно конфликтный характер текстов СМИ обусловил популярность многочисленных судебных исков о «Защите чести, достоинства и деловой репутации» (ст. 152 ГК РФ), об «Оскорблении» (ст. 130 УК РФ) и т. д. Есть еще одна сторона профессиональной ответственности журналистов: употребление конфликтных языковых и речевых средств с нарастающей частотностью заметно влияет на мировосприятие и мировоззрение носителей языка.

Оценочность публицистического текста как конструктивно-деструктивный феномен (на материале текстов, ставших объектом судебного разбирательства)

Т. В. Чернышова

Алтайский государственный университет (Барнаул)

labrlexis@mail.ru

Публицистический текст, социальная оценочность, «позитивная» и «негативная» оценочность, речевой конфликт

Summary. In paper on material text to mass information, became by subject judicial hearing, is given description social estimation newspaper text, realizing negative author's strategy, directed on provocation of the speech conflict in public sphere.

1. Оценочность — оценка — оценочное суждение

Оценочность характеризуется исследователями как соотнесенность слова с оценкой, как особая языковая категория, выражающая в речи эмоциональное отношение, вызванное сложившимся мнением о предмете высказывания, и связанная не только с психикой, но и с мыслительной деятельностью человека. Соотнесенность оценки с конкретной коммуникативно-речевой ситуацией порождает особый тип высказывания — оценочное высказывание, построенное на базе оценочного суждения.

2. Социальная оценочность

как стилиобразующий признак газетной публицистики

Специалисты отмечают, что тексты СМИ обладают особой, социальной, оценочностью (т. е. рассмотрением частных и общественных проблем с социальных позиций), которая характеризуется как «важнейший конструктивный принцип языка публицистики, вытекающий из особенностей публицистического подхода к миру» [2: 100–101], как существенная и глубинная ее особенность, обусловленная структурой категории автора в качестве «главного стилиобразующего фактора публицистического текста» [3], как фактор, определяющий содержание, стиль политической коммуникации, журналистских и публицистических произведений [1].

3. Объективная и субъективная оценочность как фактор воздействия

По мнению некоторых исследователей, модель социальной оценки в массовой информации можно выразить в виде формулы «максимализация стратегии положительной саморепрезентации так называемой группы „мы“ и максимализация стратегии отрицательной репрезентации группы „они“» [4]. Однако подобная стратегия более всего характерна для оппозиционных изданий. Современные СМИ используют более сложные схемы воздействия, уходя от открытой пропаганды, умело скрывая стратегии воздействия, что позволяет исследователям говорить об имплицитной и эксплицитной видах оценки в публицистике [2: 104–114], об использовании с целью выражения оценочности различных способов и приемов. Важной составляющей объективной и субъективной оценки действительности является категория истинности, в соответствии с которой информация в тексте может подаваться правдиво или лживо, автор может говорить правду о фактах или клеветать на кого-либо, выдавать за

действительное то, что таковым не является, манипулируя имеющимися в его распоряжении фактами и давая им экспрессивный, часто далекий от истинности комментарий [1].

4. Оценочность позитивная (конструктивная) и негативная (деструктивная)

Имеющийся у нас опыт проведения лингвистических экспертиз текстов массовой информации приводит к мысли о том, что категория социальной оценочности может быть рассмотрена не только на аксиологической шкале «хорошо» — «плохо», но и на шкале «позитивно» — «негативно», имеющей непосредственное отношение к способам и приемам конструирования внеязыковой действительности в текстах газетной публицистики, обусловленным 1) типом языковой личности автора и особенностями его стилиевой манеры, 2) фактором адресата, определяющим способ речевого взаимодействия коммуникантов, а также набор правил и норм конвенционального речевого поведения (как лингвистического, так и экстралингвистического характера), принятый для передачи информации в том или ином типе издания [5]. Под «позитивной оценочностью» предлагаем понимать такой способ развертывания публицистического текста, в котором автор выступает в обеих ипостасях: и как «пропагандист», «агитатор» (апологетическая оценочность по Г. Я. Солганику), и как «полемист» (критическая оценочность). В любом случае «позитивная оценочность» конструктивна по своей природе, она ориентирована на установление диалога с читателем, а содержащий ее текст направлен на рассмотрение и решение актуальных для всех членов социума проблем, причем сам автор обязательно представляет свою социальную позицию как неотъемлемую принадлежность категории автора публицистического текста [3: 18]. «Негативная оценочность» публицистических текстов актуализируется тогда, когда автор сознательно уходит от позиции социальной оценки и заменяет ее узкопрофессиональными, корпоративными, групповыми интересами, носящими подчас заказной характер, выдаваемыми в тексте за интересы общества в целом. Стратегия «негативной оценочности» деструктивна по своей сути, она не предполагает диалога, чаще всего позиция автора — это монолог, нередко обладающий признаками агрессии.

5. Социальная оценочность публицистического текста как фактор порождения речевого конфликта

Оба вида социальной оценочности — и позитивная и негативная — хотя и обладают разной природой, могут при-

вести к развертыванию конфликтного сценария публицистического текста, когда автор расценивается субъектом речи как инвектор (обидчик, оскорбитель), а сам субъект речи — как инвектум (обиженный, оскорбленный). Представляется, что одна из причин порождения ситуации речевого конфликта на базе оценочного суждения состоит в том, что оценочность в обыденном сознании тесно связано с критическим осмыслением действительности, а критическое высказывание, даже если оно справедливое, часто приводит к возникновению и развитию речевого конфликта — еще большую актуальность это приобретает в текстах СМИ, где оценочное высказывание воспринимается не как частное, субъективное мнение, а как мнение, социально одобренное, устоявшееся — как некое общественное мнение, способное повлиять на судьбу человека и оттого особенно болезненно воспринимаемое. Другую причину мы склонны видеть в многообразии средств и способов, используемых

для передачи оценочной информации в текстах СМИ, которые в публицистике часто дополняют друг друга.

Литература

1. Кара-Мурза Е. С. В помощь редакторам: эксперты-лингвисты о предвыборной информации и агитации // Интернет-ресурс <http://www.rusexpert.ru/magazine/027.htm>.
2. Клушина Н. И. Стилистика публицистического текста. М., 2008.
3. Солганик Г. Я. Общая характеристика языка современных СМИ в сопоставлении с языком СМИ предшествующего периода // Язык массовой и межличностной коммуникации. М., 2007.
4. Трошкина Т. П. Словообразовательные средства создания оценочности в языке СМИ // II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность (Казань, 11–13 декабря 2003 г.): Труды и материалы: В 2 т. Казань, 2003. Т. 1. С. 102–103.
5. Чернышова Т. В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России. М., 2009.

Модельная личность конфликтного ведущего телевизионного ток-шоу

Н. Г. Шаповалова

Саратовская государственная академия права
shapovalovang@yandex.ru

Модельная языковая личность, массмедийный дискурс, типы речевой культуры, речевые жанры, языковая игра

Summary. Based on the Russian massmedia materials of the turn of the century, the paper deals with the formation of ideal person's language of contentious showman and reveals basic features of this abstract typical image.

В. И. Карасик считает, что модельной личности телеведущего присущи элитарный тип речевой культуры, гибкая мораль, склонность к комизму и эрудиция [2]. Наше исследование (подробнее см.: [8]) показывает, что конфликтность современного массмедийного дискурса и культурный империализм западных СМИ меняют этот обобщенно-типичный образ. На это, в частности, указывает тот факт, что телеведущие «заимствованных» ток-шоу («Окна», «Слабое звено» и др.), вынужденные, согласно принципам новейшей американской риторики, модерировать сюжетобразующий конфликт участников передачи с помощью доступных публике речевых средств [1], становятся первыми в русской лингвокультуре законодателями модельной языковой личности конфликтного шоумена.

На примере коммуникативного поведения Дмитрия Нагиева на съемочной площадке программы «Окна» удалось выявить, что ведущий выполняет две, казалось бы, взаимоисключающие функции — быть непререкаемым авторитетом, занимающим положение «над» конфликтной ситуацией, и провоцировать высокую степень конфликтности общения на протяжении всей передачи.

Коммуникативная роль арбитра предопределяет свойственные ведущему эвфемизацию грубых моментов речи, регулятивное речевое поведение, более высокий по сравнению с героями и зрителями в студии общий уровень речевой культуры. Поскольку основная часть героев, зрителей ток-шоу относится к носителям низших неполнофункциональных типов речевой культуры [7] (это следует из концепции программы), то для шоумена вполне достаточно владение самой «интеллигентной» из таких разновидностей — среднелитературной. В то же время ведущий «Окна» должен поддерживать высокую степень конфликтности коммуникации в течение всей программы, вовлекать в противоборство практически всех присутствующих в студии, в том числе и зрителей, что обуславливает его агрессивно-наступательное участие в конфликте. Более того, фактически он становится самой активной конфликтующей стороной, противопоставляющей себя всем вовлеченным в противоборство, при этом демонстрирует ярко выраженное стремление к коммуникативному лидерству.

Реализация функции активно-агрессивного поддержания высокой степени конфликтности коммуникации (в идеале — доведения ситуации до прямого скандала, в который вовлечены участники и зрители в студии) требует использования соответствующих стратегий и тактик, а также отступления от основных морально-этических и речевых норм речевого поведения носителя не только элитарного [6], но и среднелитературного типа речевой культуры. Сочетание двух, достаточно противоречащих друг другу функций проявляется

в динамике модельного поведения ведущего «Окна» в течение всей программы.

В начале разговора в рамках программы в коммуникативном поведении Д. Нагиева преобладает ориентация на выполнение первой функции: в его речи нет грубых нарушений основных литературных норм, соблюдаются нормы общения, проявляется желание шоумена «украсить» свою речь книжной и иноязычной лексикой. В то же время отдельные намеренные нарушения норм гармонического общения способствуют, по замыслу ведущего, успеху передачи в целом. Д. Нагиев стремится к кооперации и солидарности с партнерами по общению за счет использования действенных в этой среде коммуникативных «поглаживаний» (Э. Берн): (а) речевых форм комического — окказионализмов с утраченной семей параметрического увеличения, каламбуров, нарушений жанрово-ролевых норм речевого взаимодействия; (б) прецедентных феноменов, связанных с народной и массовой культурой; (в) инвективной лексики, жаргонизмов, просторечных экспрессивов.

В дальнейшем в поведении ведущего начинает преобладать стремление разрешить противостояние героев программы в форме скандала с использованием «нижних регистров» общения, использование маски психологического «Родителя» (по Э. Берну) с его правом и обязанностью отчитать, вынести приговор виновным. Это приводит к отказу от системы норм кооперативного общения и замене их системой приоритетов и ценностей агрессивного, конфликтного общения. Шоумен становится наиболее искусным, победительным носителем данных приоритетов и ценностей, что влечет за собой использование в речи ведущего заимствованного ток-шоу элементов лингвокреативности со стремлением к доминированию. Из представителя кооперативного типа языковых личностей (с претензией на кооперативное актуализаторство) он превращается в конфликтного манипулятора [5]. Это отражается в категоричных, императивных высказываниях, частых перебивках собеседника и использовании направленных на подавление собеседника конфликтных речевых жанров колкости и упрека [4], а также приемов языковой демагогии — доведению аргумента собеседника до абсурда и предъявлению речений собственного сочинения как универсальных формул человеческого бытия [3]. Кульминационный момент передачи обуславливает обращение ведущего к инвективной стратегии поведения [5], которое проявляется в противопоставлении себя участникам, использовании инвективной лексики и конфликтных речевых жанров обвинения и оскорбления.

Таким образом, основной коммуникативной чертой модельной языковой личности конфликтного шоумена является стремление к конфликтной манипуляции партнером по

общению с помощью элементов лингвокреативности. Ей также присущи динамика способности к кооперации, инвективная стратегия коммуникативного поведения в конфликте и достаточно высокий уровень речевой культуры (как минимум, среднелитературный тип), т. к. отбор лексики и прецедентных феноменов в речи ведущего должен указывать на его принадлежность к самому «сложному» из спектра типов речевой культуры аудитории, привлеченной тематикой передачи.

Литература

1. Волков А. А. Язык и мышление: мировая загадка. М., 2007.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
3. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 2002.
4. Седов К. Ф. Внутрижанровые стратегии речевого поведения «ссора», «комплимент», «колкость» // Жанры речи. Саратов, 1997. Вып. 1. С. 188–195.
5. Седов К. Ф. К основаниям лингвистики индивидуальных различий (о принципах ролевого портретирования) // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2007. С. 6–29.
6. Сиротинина О. Б. Элитарная речевая культура и хорошая речь // Хорошая речь. Саратов, 2001. С. 222–228.
7. Сиротинина О. Б. Характеристика типов речевой культуры в сфере действия литературного языка // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2003. С. 3–20.
8. Шаповалова Н. Г. Модель конфликтной языковой личности участника массмедийного дискурса (на материале радио, телевидения и Интернета): Дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2008.